

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОСЛОЖНЕННОСТЬ СЛОВА КАК СРЕДСТВО ИРОНИИ В ТЕТРАЛОГИИ ЛАКСНЕССА «СВЕТ МИРА»

С. НЕДЕЛЯЕВА

Для речевой системы тетралогии чрезвычайно характерна осложненность слова контекстными значениями. Роль контекстных значений слов в системе речевых средств тетралогии исключительно важна. Контекстные значения слов представляют собой ключ к тексту, без их учета текст предстает обедненным, а иногда и вовсе не может быть понят. Не знающему контекстных значений читателю текст тетралогии может показаться зашифрованным. Составляющие текст слова являются на самом деле как бы намеками, условными знаками какого-то скрытого за ними более глубокого содержания. Известный исландский критик произведений Лакснеса К. Е. Андрессон образно высказался об этой особенности стиля тетралогии так:

«Когда начинаешь анализировать предложения, открываешь в них глубину, простор. Несмотря на легкость выражения, мысль писателя глубока; предложения часто скрывают в себе сравнения, мнения, опыт, о которых не говорится прямо, но на которые намекает или слово или пара слов. Чувствуешь только, что предложения окутаны какой-то волшебной дымкой, которая вызывает определенные мысли, воспоминания или скрытые волнения»¹.

Контекстные значения слов чрезвычайно разнообразны. Часто это собственно не значения, а лишь особые оттенки значения. Другие же слова приобретают сугубо контекстные значения. Их расхождения с основным языковым значением слова может быть столь значительным, что непосредственный контекст не дает возможности расшифровать их своеобразное содержание.

Чрезвычайная важность семантической осложненности слов в тетралогии заключается в том, что именно столкновение контекстного и обычного языкового значения слова высекает искру иронии, иногда сочувственной и грустно-добродушной, но чаще беспощадно-обличительной:

¹ Кристина Е. Андрессон, Современная исландская литература, Москва, 1957, стр. 220.

В тексте тетралогии различается три вида семантической сложности:

1. Символическое значение отдельных слов.

2. Особые оттенки значения, выражаемые в необычном словоупотреблении.

3. Семантическая многоплановость слов в результате различного понимания этих слов персонажами.

В круг явлений семантической сложности нами не включаются такие явления, как использование многозначности слова и надделение слова внутренней формой, по следующим причинам:

1. В первом случае семантика слова осложнена не контекстными значениями, а значениями, существующими в языке, а во втором случае несмотря на то, что слова наделяются внутренней формой, они употребляются в речи в обычном языковом значении.

2. Кроме того, и тот, и другой прием выделяются как особые, специфические способы создания иронии и их следует рассматривать отдельно.

Символическое значение отдельных слов

Отдельные слова в тетралогии получают добавочное осмысление, обозначая предметы, в такой степени характеристичные для персонажей событий или явлений, что эти предметы воспринимаются как их символическое выражение. Слова, обозначающие эти предметы, мыслятся как краткое символическое обозначение определенного подтекста. Такими предметами становятся детали внешности персонажей, пенсне (loniöttur), шляпа (hatturinn), пиджак (sjakketinn), резиновый воротничок (gúmmiflibbinn), вставная челюсть (tanngarðurinn) у Пьетура Паульссона, пылинки (fís, kusk) на носу и одежде пастора. Все эти детали портрета отнюдь не случайны: именно перечисленные предметы выделяют Пьетура из среды рыбаков и свидетельствуют о достатке их владельца, а также, по мнению Пьетура, возвышают его над окружающими. Стремясь уйти от докучливых просьб и крамольных разговоров, пастор делает вид, что занят, и символом его озабоченности божественными делами становится пыль, которую он фунтами стряхивает со своего носа и одежды.

Символическое значение слов hattur, loniöttur, tanngarður, fís, kusk раскрывается не сразу. Судя по почти гоголевскому смакованию каждой детали, каждый раз будто подчеркивается как раз предметное значение этих слов. Достаточно вспомнить детальнейшее описание шляпы Пьетура, вернувшегося из столицы, или следующую сценку:

„...þurkaði framkvæmdastjórinn sér um munninn með ermi og handarbaki, því hann var mettur,.. tók þarnæst útúr sér efitanngarðinn, stráði lagi af nef-tóbaki yfir góminn þeim megin sem að tannholdinu vissi, kom honum síðan fyrir uppi sér aftur“². I,⁶ 203.

² В этой и следующей статьях цифры I, II обозначают тома издания тетралогии 1955 г.: Н. К. Лахнесс, Heimsljós I, Reykjavík, 1955; Heimsljós II, Reykjavík, 1955

«директор, поев, вытер рот рукавом и ладонью, ... вынул верхнюю челюсть, насыпал на нее нюхательного табаку на небную часть с той стороны, которая прилегала к деснам, и снова вставил на место».

Первоначально указанные детали внешности Пьетура кажутся не более чем обычными реалистическими подробностями, поскольку они охарактеризованы как предельно реальные предметы. Так, пенсне часто кажется просто убедительной, яркой деталью внешности Пьетура, особенно в сцене, где он снимает его и тщательно протирает стекла, имитируя слезы умиления. Можно подумать, что эта деталь нужна лишь для того, чтобы подчеркнуть пристрастие Пьетура к театральным эффектам. Парадный пиджак нужен словно только для того, чтобы Пьетур мог вытирать рукавом рот, протез — для того, чтобы насыпать на него табак, и т.д.

На деле, однако, второе, обобщающее значение присутствует в этих словах с момента их первого появления.

Впервые Оулавюр увидел Пьетура, когда тот объезжал лошадь. Всадник выглядел таким образом:

Hann var klæddur í sjakket, harðan hatt, gúmmíflíbbá, loniættur og falska tennur, hinir úngu ólmu hestar hans í svitabaði og blésu mikinn. I, 167.

«Он был в пиджаке, в твердой шляпе, в резиновом воротничке, в пенсне и с протезом. Неистовые лошади под ним были взмылены и тяжело дышали».

Нелепость перечисленных аксессуаров при объезжании лошади уже выделяет их, подчеркивает, что Пьетур во что бы то ни стало хочет отличаться от окружающих. Еще сильнее значение этих предметов как средства к достижению превосходства проступает в сцене, где Оулавюр в качестве голодного просителя приходит к Пьетуру домой:

Framkvæmdastjórninn... sat sjakketklæddur í öndvegi með gúmmíflíbban um hálsinn og horfði á allt þetta gegnum valdsmannlegar loniættur. I, 198.

«Директор... сидел на почетном сидении, в пиджаке, в резиновом воротничке, поглядывая на все сквозь начальственное пенсне».

В следующий раз, когда Пьетур, пьяный, растерял все эти предметы, они уже прямо называются «внешними знаками его достоинства», *„hin lauslegu virðingarkerki“*.

Hún fór inn og sótti hin lauslegu virðingarkerki framkvæmdastjórnans, vafði dagblaði utanum loniætturnar og tennurnar og stakk þessu í vasa hans, en hattinn lét hún á höfuðið á honum. I, 211.

«Она вошла в дом и вскоре вынесла внешние знаки достоинства директора. Пенсне и челюсть она завернула в газету и сунула в его карман, а шляпу надела ему на голову».

Так постепенно из сопоставления слов, обозначающих детали внешности, с ситуацией выявляется особая смысловая нагрузка этих слов. Наличие или отсутствие указанных деталей во внешности Пьетура означает одновременно изменение в его положении, свидетельствует о том, благоприятствует ему обстановка или нет, символизирует его

силу или слабость. Постепенно символическое значение слов *hattur*, *tanngarður*, *loniöttur* и др. становится столь ощутимым, что одно упоминание о них дает писателю возможность избежать подробных описаний. Всякий раз, когда говорится, что Пьетур остался без внешних знаков своего достоинства, потеряв их из-за опьянения или сняв собственноручно, это означает, что Пьетур в данный момент жалок, ничтожен, что кто-то оказался сильнее его. Так, в сцене столкновения пьяных Пьетура и Юэля появление слова *loniöttur* «пенсне» гротескно символизирует сначала некоторую силу Пьетура и уверенность в себе, когда он видит, что его друг топчет сапогом поэта, которого Пьетур считает своей собственностью:

Pétur Pálsson hafði í fyrstu horft aðgerðalaus á þessar aðfarir, en þegar hér var komið sögu, kom hann loniöttunum fyrir á nefinu á sér og stóð upp. I, 300.

«Пьетур Паульссон сначала смотрел на эти действия, не вмешиваясь, но тут он поправил пенсне на носу и поднялся».

Но то же пенсне и вставная челюсть столь же гротескно символизируют капитуляцию Пьетура перед Юэлем как перед более сильным противником:

En um það bil sem framkvæmdastjórinn virtist vera að hafa stassjónistann undir, þá stóð spýan uppúr hinun síðarnefnda einsog gosbrunnur beint framaní Pétur Pálsson. Fyrir þessu óvænta vopni hörfaði framkvæmdastjórinn undan, tók útúr sér tennurnar og af sér loniötturnar og stakk hvorutvegga í vasa sinn meðan hann þurkadi framanúr sér með erminni. I, 300.

«Но в тот момент, когда директор, по-видимому, уже одолевал базовладельца, последний выбросил струю рвоты, словно фонтан, прямо в лицо Пьетуру Паульссону. Перед этим неожиданным оружием директор отпрянул, достал челюсть, снял пенсне и положил и то и другое в карман, вытирая лицо рукавом».

В сцене возвращения Пьетура с гор после трудной, но закончившейся удачей поездки за костями похороненных там преступников, которые явились Пьетуру на спиритическом сеансе и просили перенести их останки в освященное место, упоминание деталей внешности Пьетура имеют особое значение, ибо символическое значение этих слов, уже известное читателю, оттеняет важность события.

...sjá Pétur Pálsson riða heim af fjalli... ákaflega moldugan, hattlausan, tannlausan, og loniöttunalausan... I, 310:

«Видели Пьетура возвращающегося верхом с гор, ужасно грязного, без шляпы, без зубов и без пенсне...»

С одной стороны, подтекст заключается в том, что Пьетур попросту пьян, и вся фраза представляет собой в этом смысле эвфемистический перифраз, однако смысл подтекста глубже. Потеря знаков достоинства должна подчеркнуть важность события, и это незамедлительно подтверждается следующей фразой:

Þó ytri virðing væri horfin, sjón, heyrn, ilman, smekkur og tífianing á bak og burt... þá var ekkert sem gat gert framkvæmdastjóran viðskila við þennan

lokadýrgrip sálarinnar, þetta tákn fyrirgefningar og straums," andlegs þroska og jóss. I, 310.

«Хотя внешние знаки достоинства и исчезли, способность видеть, слышать, ощущать запах и вкус, осязать пропала, ничто не могло различить директора с этой величайшей драгоценностью души, этим знаком прощения и тока, душевной зрелости и света».

Постепенно наибольшее символическое значение концентрируется в одном слове, обозначающем одну из указанных деталей. Таким путем достигается большая художественная выразительность и законченность этого приема. Постепенно шляпа становится символом всех символов, главным символом власти Пьетура. Во время поездки в горы с Юэлем и Оулавюром Пьетур проявляет гиперболический интерес к шляпе Юэля. Назойливое возвращение Пьетура к шляпе, преувеличенное восхищение наводят на мысль о подтексте, смысл которого ещё не ясен.

Приведем этот отрывок полностью, чтобы потом показать глубокую значимость слов *hattur stassjónistans* «шляпа базовладельца», *hattur Júels* «шляпа Юэля», *hattur* «шляпа» в этом отрывке и в дальнейшем употреблении.

Ég er eigandi konjaksins, sagði stassjónistinn. Þú þarf ekki að ráðleggja mér að drekka konjak mín sjálfs. Ég ræð hvað ég geri við mitt konjak.

En Petri Pálsynni datt ekki í hug að fara í neinn svarra. Hann fór að öllu með lagni og af sálfræðilegum skilningi, sótti *hattinn* stassjónistans úti múri og fór að skoða hann.

Mikið asskoti er þetta góður hattur, sagði Pétur Pálsson.

Júel J. Júel tók upp vasaklútinn sinn og þurkaði af sér í fýlu.

Hvað gafstu fyrir þennan hatt? spurði Pétur Pálsson og hélt áfram að virða fyrir sér gripinn í krók og kring. Kondu með konjakið, sagði Júel J. Júel.

Frankvæmdastjórinn fór ofaní tösku, tók upp þaðan konjaksflösku og fékk eigandanum þegjandi, hélt síðan áfram að skoða hattinn. Eigandinn fór í vasa sinn eftir tappatogara.

Hvar fást svona hattar? spurði Pétur Pálsson og var nú búinn að bretta upp svitabandinu til að sjá hvernig fóðrið væri fest innaní. Sona hatt þyrfti ég endilega að fá mér, sagði hann.

Um það bil sem eigandi konjaksins hafði lagt stútinn á munn sér og var byrjaður að teygja, var Pétur Pálsson framkvæmdastjóri orðinn svo hrifinn af hattinum, að hann reif ofan svartkúluhattinn sinn till að geta mátað á sér hatt stassjónistans. En þegar hinn síðarnefndi sá þetta, hætti hann að drekka, tók snögt viðbragð, þreif hatt sinn úr höndum Péturs og setti hann upp. I. 292.

«Но Пьетур Паульссон и не думал шуметь. Он ко всему подходил с толком и с учетом человеческой психологии. Он поднял шляпу базовладельца, валявшуюся в трясине, и стал ее рассматривать.

— Чертовски хорошая шляпа, — заметил Пьетур Паульссон.

Юэль Ю. Юэль достал носовой платок и с отвращением высморкался.

— Сколько ты отдал за эту шляпу? — спросил Пьетур Паульссон, продолжая осматривать ценную вещь со всех сторон.

— Дай сюда коньяк, — потребовал Юэль Ю. Юэль.

Директор достал из сумки бутылку коньяка, молча подал ее владельцу и продолжал рассматривать шляпу. Владелец полез в карман за штопором.

— Где достают такие шляпы? — спросил Пьетур Паульссон, отогнув кожаную ленту внутри, чтобы увидеть подкладку. — Мне непременно надо достать такую шляпу, сказал он.

К тому моменту, когда владделец коньяка засунул в рот горлышко бутылки и начал потягивать из нее, Пьетур Паульссон пришел в такой восторг от шляпы, что сорвал с головы свой черный котелок, чтобы примерить шляпу базовладельца. Но когда последний это увидел, он перестал пить и неожиданным движением выхватил шляпу из рук Пьетура и надел себе на голову».

Очень скоро, через несколько глав подтверждается догадка о том, что интерес Пьетура к шляпе Юэля не был случайным. На этот раз в описании внешности Пьетура слово *hattur* «шляпа» имеет осязаемую значимость и вес, хотя сначала воспринимается как обычная деталь внешности Пьетура «при параде».

Svo stígur Pétur Pálsson framkvæmdastjóri á land með lóniættur, tennur og hatt. Frammað þessu hafði framkvæmdastjórinn ævinlega haft svartan harðkúluhatt á höfðinu, nú var hann kominn með gráan flókahatt sem var einsog hattur Júels J. Júels, að öðru leyti en því að hattur stassjónistans hafði verið mjög óvenjulegur hattur, en hattur Péturs Pálssonar var mjög venjulegur hattur. Hattur Júel J. Júels var með stórum börðum, en hattur Pétur Pálssonar var með litlum börðum. Hattur Júels J. Júels var með mjóum borða, hattur Péturs Pálssonar með breiðum borða. Hattur Júels J. Júels var með lágum kalli, en hattur Péturs Pálssonar með háum kalli. Og svo framvegis. En hvernig gat þá staðið á því að mönnum sýndust þessir hattar allaðeinu? Var það af því að Pétur Pálsson hafði ekki brotið nidur í kollinn á hatti sínum, heldur lét hann standa upp í loftið einsog Júel J. Júel? Eða var það af því að menn höfðu frétt með símanum daginn áður, að Pétur Pálsson væri búinn að kaupa Svíðinsvíkureignina af Bánkanum, og töldu að Júel J. Júel mundi hafa hjálpað honum til þess? I, 328, начало 26-ой главы.

«И вот директор Пьетур Паульссон сходит с корабля, в пенсне, с зубами и в шляпе. До сих пор директор постоянно носил на голове черный котелок. На этот раз он приехал в серой фетровой шляпе, которая была точь-в-точь как шляпа Юэля Ю. Юэля, несмотря на то, что шляпа базовладельца была очень необычная шляпа, а шляпа Пьетура Паульссона была очень обычная шляпа. Шляпа Юэля Ю. Юэля была с большими полями, а шляпа Пьетура Паульссона была с маленькими полями. На шляпе Юэля Ю. Юэля была узкая лента, на шляпе Пьетура Паульссона — широкая лента. Шляпа Юэля Ю. Юэля была с низкой тульей, а шляпа Пьетура Паульссона с высокой

тулей, и так далее. Но как могло случиться, что эти шляпы казались людям совершенно одинаковыми? Может быть, это происходило потому, что Пьетур Паульссон не придавил верх своей шляпы, а оставил его торчать, как у Юэля? Или дело было в том, что люди узнали накануне по телефону, что Пьетур Паульссон выкупил у банка имущество Свидинсвика, и говорили, что Юэль Ю. Юэль помог ему в этом?»

Последняя фраза раскрывает символическое значение слова *hattur* в процитированном отрывке. Ещё не слыша слов Пьетура, люди при одном лишь виде шляпы, напоминающей шляпу Юэля, поняли, что Пьетур оказался богаче и влиятельнее даже Юэля, совладельца крупнейшей компании «Гримур Лодинкинни». Шляпа стала символом окончательного перехода власти в поселке к Пьетуру.

Зная, что слова *hattur* «шляпа» и *hattur Juels* «Шляпа Юэля» имеют символический смысл, вернемся несколько назад, к предпоследнему приводимому отрывку, где говорилось о том, что Пьетур заинтересовался шляпой Юэля. Мы увидим, как тонко и психологически значительно там каждое употребление слова *hattur* «шляпа». Это слово уже и там символизирует борьбу и власть. Каким смыслом наполняются теперь реплики Пьетура! В то время как Юэль пока что на высоте положения, ему принадлежит коньяк и он считает себя хозяином по-эта, Пьетур дипломатично не возражает ему, а упорно разглядывает шляпу, покорно подавая коньяк его владельцу. Ему во что бы то ни стало нужна такая шляпа, характерно, что он примеряет ее, и в этот момент Юэль вырывает шляпу.

Текст осмысливается теперь совсем по-иному, в глубокой внутренней связи со всей системой речевых и художественных средств. Всего одна художественная деталь — семантическая осложненность слова *hattur* «шляпа» в тексте тетралогии способствует более глубокому, символическому осмыслению образа Пьетура, помогает отчетливее осознать его превращение из призреваемого приходом в кандидата на пост президента Исландии в конце тетралогии, увидеть корни такого превращения.

Именно благодаря символическому осмыслению слов *hattur* «шляпа», *loniættur* «пенсне», а не их предметному значению, оборот «держа в одной руке юзлевскую шляпу, а в другой — пенсне» становится синонимичным определению «широко расставив ноги, кривоногий, совсем не похожий на полководца» в сцене, когда Пьетур узнает о бегстве своей дочери с Эрдном Ульваром».

Frankvæðastjórnin stóð enn um hrið á bryggjuspörðinum gleiður, bjúg-fættur, alt annað en herforingjalegur, með júlshattinn sinn í annarri hendinni og loniættarnar í hinni og hélt áfram að horfa á eftir bátnum, og vindurinn feykti til þunnu grámeingudu hári hans og lét sjakketlöfin hans blakta. II, 131.

«Директор некоторое время ещё стоял в голове причала, широко расставив ноги, кривоногий, совсем не похожий на военачальника, держа в одной руке свою юзлевскую шляпу, в другой — пенсне, и смотрел

вслед лодке, а ветер развевал его редкие с проседью волосы и раздувал полы пиджака».

Лакснессу чрезвычайно важно дискредитировать символическое значение слов, получивших это значение, безжалостно разоблачить его, чтобы не осталось и намека на серьезный символический смысл этих слов.

Главный способ дискредитации символического значения слов состоит у Лакснесса в доведении до абсурда зрительных образов, создаваемых с помощью подчеркнуто-предметного значения слов. Вспомним хотя бы нелепую шляпу Пьетура с узкими полями, высокой тульей и широкой лентой, напоминающую скорее дамскую шляпку, Пьетура за обедом в неудобном резиновом воротничке и пенсне, или Пьетура, принимающего посетителя в своем кабинете с новой шляпой на голове.

Нельзя не заметить при анализе рассматриваемого приема, состоящего в наделении символическим смыслом отдельных слов, большую близость к гоголевскому стилю, проявляющуюся прежде всего в пристальном внимании к детали. Более того, в тексте тетралогии находим нередко почти полное совпадение отдельных художественных деталей, синтаксических периодов, развития мысли и т.д., с гоголевскими. Это не случайно, и влияние Гоголя здесь несомненно. Как раз в период работы над романом «Замок в царстве лета», написанном в Москве зимой 1937—1938 года, стиль которого обнаруживает наибольшую близость к гоголевскому стилю, Лакснесс увлекся Гоголем, особенно «Мертвыми душами». Однако гоголевский прием подчинен у Лакснесса идейно-художественному замыслу тетралогии, и полностью определяется им. Внимание Лакснесса к детали характеризуется стремлением к предельному смысловому наполнению каждой детали. Любая деталь важна для него не сама по себе, а лишь как средство выражения обобщенной идеи, поэтому деталь выступает как чрезвычайно краткий обобщающий и вместе с тем образный символ авторской идеи, чего мы не находим в такой степени у Гоголя.

Символическое использование отдельных слов не является в тетралогии специфической принадлежностью иронического стиливого плана. Их появление вызвано общей тенденцией к смысловой насыщенности, к активному контакту с читателем, к оставлению на поверхности лишь самого необходимого, играющего роль намека, достаточного для того, чтобы вызвать нужные ассоциации.

Серьезный символический смысл имеют слова „barn“, „veikt barn“ «ребенок», «больной ребенок», в широком смысле символизирующие центральную мысль романа о назначении поэта нести на себе бремя человеческих страданий, и другие слова. Однако основная цель наделения слов символическим смыслом у Лакснесса в тетралогии «Свет мира» заключается в создании иронии.

Появление у слов особых оттенков значения, выражающееся в необычном словоупотреблении

Свидетельством появления у отдельных слов новых оттенков значения бывает их необычное с точки зрения языкового сознания употребление. Между тем с точки зрения контекстных значений такое употребление закономерно, т.к. оно отражает установившиеся в контексте смысловые связи. Комизм создает именно восприятие слов и словосочетаний в их обычном языковом значении.

Необычное словоупотребление, встречающееся в тетралогии, порождающее комический эффект в плане языковых значений, может внешне выражаться в олицетворении или овеществлении отвлеченных понятий, в наделении показателями степени качества прилагательных, обычно не употребляющихся с подобными показателями, в нарушении установившихся семантических связей, в произвольном установлении семантических связей, в употреблении слов в сугубо индивидуальном значении.

Олицетворение и овеществление отвлеченных понятий

В тексте тетралогии встречается необычное сочетание слов: «голосовать за капитал»:

Þegar svidvíkingar síðan kusu Júel J. Júel til alþingis árið eftir, þá var það vegna þess að bæði Pétur Pálsson framkvæmdastjóri og stassjónistinn sjálfur höfðu sannfært fólk um að því mundi ekki framfar veitast tækifæri til að draga fiska, nema því aðeins það **kysi penninga**. II, 18.

«Когда затем свидинсвикцы год спустя выбрали в Альтинг Юэля, они сделали это потому, что и директор Пьетур Паульссон, и базовладелец убедили людей, что они не смогут больше ловить рыбу, если не проголосуют за капитал».

Как видно из этой же фразы, слово **penningar** «капитал» представляет собой перифрастическое обозначение рыбного фабриканта Юэля, художественно точное и убедительное, ибо известно, за кого агитировали голосовать свидинсвикцев. В плане обычного языкового выражения словосочетание **kysi penninga** «проголосуют за капитал» представляется необычным, смешным, сатирический эффект, заложенный уже в самом удачном перифразе, увеличивается.

Точно также забавным кажется употребление слова с отвлеченной семантикой **skáldskapur** «поэзия» в качестве обозначения конкретных предметов:

Þau feingu að flýa með líkið og skáldskapinn í næsta hús. II, 125.

«Им пришлось перебраться вместе с трупом (ребенка) и поэзией в соседний дом».

Под словом **skáldskapurinn** «поэзия» подразумевается поэтическое имущество Оулавюра: доска, на которой он писал, узелок с рукописями, перья. Пренебрежительный оттенок вследствие такого употреб-

ления слова передает пренебрежительное отношение окружающих к основному занятию Оулавюра. О том, что он сам употребляет это слово в обычном значении и с глубоким уважением относится к поэзии, свидетельствует употребление им обычно этого слова в основном языковом значении, отнюдь не комическое.

Слово *Bánkinn* «банк» в тексте тетралогии подвергается переосмыслению, о чем свидетельствует превращение его из неодушевленного существительного в одушевленное.

Hvað var orðið af togaranum fólksins? Hafði honum verið stolið? Eða Bánkinn komið og sótt hann? I, 245.

«Что случилось с траулером, принадлежащим поселку? Его украли? Или Банк пришел и забрал его?»

Такое одушевление и олицетворение неодушевленного существительного вполне объяснимо, т.к. банк олицетворяет в сознании жителей поселка грозную силу и рисуется в образе неизвестного чудовища. Поскольку поселок вместе со скотом и угодьями заложен в банке, банк представляется людям каким-то фантастическим хозяином, которого они наделяют чертами реального крестьянина:

Einginn vissi hvað Bánkinn mundi gera við kúna; I, 288.

«Никто не знал, что Банк собирается делать с коровами».

Людам кажется, что трава сама сохнет при хорошей погоде, чтобы стать сеном для банка:

heyið... þornaði af sjálfu sér í góðviðrinu fyrir Bánkann. I, 288.

«Трава... сохла сама по себе в хорошую погоду для банка».

Следующие словоупотребления особенно свидетельствуют об олицетворении понятия банка в сознании крестьян: *afhenda Bánkanum eignir, Bánkinn hefði meiri mætur á Grími Lodinkinna en svidinsvíkingum,* I, 289.

«Банк более ценит Гримура Лодинкинни, чем свидинсвикцев». Слово «банк» в качестве одушевленного всякий раз употребляется с заглавной буквой.

Наделение показателями степени качества прилагательных, обычно не употребляющихся с показателями степени качества

Ещё более резким бывает столкновение речи и языка, когда слово употребляется в сугубо контекстном значении, но узкий контекст делает это употребление смешным в плане общезыкового. Таковы случаи наделения показателями степени качества прилагательных, обычно не употребляющихся с подобными показателями: *meira eða minni þjóðlaus* «более или менее лишенный родины» (букв. лишенный народа).

Auðvitað vorkendu allir frjálsbornir menn Péttri Pálssyni að hafa orðið fyrir bardinu á meira eða minni þjóðlausu aðiljum, einsog til dæmis réttvísi nútímans. II, 102.

«Конечно, все сочувствовали Пьетуру, что он попался в лапы сил,

в большей или меньшей степени лишенных отечества, таких, как современное правосудие».

Употребление данного словосочетания обусловлено в тексте, т.к. перед этим говорилось о «лишенных отечества» „hinir þjóðlausu“ и „hinir ættjarðarlausu“, что в переносном, контекстном употреблении является пейоративным перифрастическим обозначением рабочих. Однако с точки зрения обычных языковых значений употребление относительного прилагательного þjóðlaus с показателями меры и степени бессмысленно.

Точно таким же нарушением языковых норм воспринимается употребление с показателем степени качества прилагательного sannur «истинный, настоящий» в применении к Яртрудур, которая «не была достаточно истинным исландцем, чтобы защитить поэтические сочинения своего жениха от тягчайшей критики», II, 125.

...hafði ekki verið nægilega sannur íslendingur til þess að skáldverkum heitmannsins yrði hlíf við hinni þýngstu gagnrýni.

Сочетание sannur íslendingur «истинный исландец» в тексте тетралогии обозначает члена организации, основанной Пьетуром и, следовательно, имеет переносное, контекстное значение, но ироническое впечатление создается благодаря тому, что это словосочетание воспринимается скорее в обычном значении, а не контекстном, чему способствует написание слов с малой буквы, в отличие от обычного написания этих слов в тексте. Именно поэтому сочетание прилагательного sannur с показателем степени кажется нелепым. В то же время употребление этих слов в системе контекстных значений точно характеризует положение Яртрудур среди людей, близких к Пьетуру: несмотря на то, что у Пьетура нет более яркой сторонницы, Яртрудур не обладает никакими правами, даже и будучи принятой в организацию.

В следующих случаях наделения показателями степени качества прилагательных, обычно не имеющих таких показателей, во взаимодействии с основным языковым значением слова вступает не контекстное, а переносное значение, присущее слову в языке: mikið dauður «очень мертвый», II, 258., aldaður «абсолютно мертвый», «совершенно мертвый», II, 259. Слово dauður «мертвый» употребляется в современном разговорном исландском языке в переносном значении «пьяный», и в переносном же значении оно употребляется в тетралогии, но, именно основное значение простиупает в этом слове, отчего сочетания кажутся смешными.

Путем отталкивания от переносного значения слова dauður «мертвый; пьяный», в текст вводится антонимичное этому слову в плане основных значений слово ómyrtipp «немертвый», «живой», которое в переносном употреблении будто бы также должно означать «непьяный». С точки зрения языкового сознания сочетание этого прилагательного с наречием меры и степени еще более бессмысленно; í tiltölulega ómyrtu ásigkomulagi. I, 310, «в относительно немертвом состоянии». В тексте же тетралогии это просто игра слов.

Разрушение существующих семантических связей и установление новых

Появление особых оттенков значения, которые слово приобретает в контексте, регистрируется случаями необычного словоупотребления, выражающегося в нарушении привычных семантических связей, и именно это отклонение от языковой нормы производит комический эффект. Вместе с тем контекстные значения, отмеченные в случаях необычного словоупотребления, точно выражают внутритекстовые связи и нередко служат сильнейшим средством сатирического разоблачения.

Разрушение привычных семантических связей проявляется в том, что слова попадают в непривычное семантическое окружение, и такое соединение слов, вследствие своей семантики не имеющих в языке оснований для соединения, ощущается как резкое нарушение языковых моделей.

Слово *þjóðskáld* имеет значение: выдающийся поэт; народный поэт. Когда же это слово встречается в фразе: *Hinsveggar hafði Pétur Pálsson framkvæmdastjóri gert Reimar skáld að þjóðskáldi eignarinnar þau misseri*. II, 18. «В то время директор Пьетур Паульссон сделал скальда Реймара народным поэтом поселка на эти полгода», то оба эти значения оказываются неприменимыми. Слово *þjóðskáld* явно употреблено здесь с каким-то особым оттенком значения. Человек не властен сделать другого человека ни народным, ни выдающимся поэтом, тем более на определенный заранее срок. На самом деле в тексте романа «Дом поэта» эта фраза означает, что Пьетур хочет сделать Реймара своим собственным поэтом, ведь поселок — это его владенье, но если Реймар угодит ему, то, конечно, Пьетур провозгласит его народным поэтом, выдающимся поэтом.

Точно так же словесное окружение противоречит семантике словосочетаний *gott skáld* «хороший поэт». Неучет объективной семантики слов и их связей приводит к курьезам:

...*hef ég... aldrei þrevst á að gefa þér tækifæri til að verða gott skáld. Enn öll mín viðleitni til að gera þig að góðu skáldi hefur orðið árangurslaust*. II, 124.

«Я...никогда не устал предоставлять тебе возможность стать хорошим поэтом. Но все мои попытки сделать тебя хорошим поэтом были безрезультатны».

Получается, что стать хорошим поэтом нельзя против желания Пьетура и что только он может предоставить Оулавюру эту возможность, в то время как мы знаем, что Оулавюр поэт по призванию.

Случаев аналогичного употребления слова *skáld* очень много. Для Лакснесса оно было оружием в полемике с конкретными политическими деятелями Исландии, желавшими сделать из Лакснесса официального писателя и не скрывавшими разочарования по поводу неудачи. Поэтому почти каждое употребление Пьетуром слова *skáld* «поэт» является издевательским, пародийным преломлением критики в адрес писателя.

Если сказать, что кто-то собирается основать какое-либо общество в определенное время, в определенном месте, то это покажется странным. Решение о создании какого-либо общества чаще всего рождается стихийно, в ходе обсуждения, и заранее обычно не планируется. Индивидуальное словоупотребление Пьетура объясняется тем, что образование Психологического общества вовсе не вызвано насущными потребностями поселка, это общество — создание Пьетура, родившееся в его голове и полностью финансируемое им.

komdu með það í Sálvísindafélag Svidinsvíkur sem andans menn og men-
tafrömunir ætla að stofna í kvöld heima í stofunni hjá mér. I, 249.

«приходи с этим в Психологическое общество Свидинсвика, которое сторонники Духа и просвещения намереваются основать сегодня вечером в моем кабинете».

Симптоматичным оказывается неправильное словоупотребление в следующем случае:

Þegar sýnt var að hinir ættjarðarlausu höfðu í fullu tré við Pétur Pálsson ættjarðareiganda, og gátu lagt undir sig eignina og þar með eignast ættjörð... II, 126.

«когда стало ясно, что лишенные родины вот-вот одержат верх над Пьетуром Паульссоном, имеющим родину, захватят поселок и тем самым получают родину, ...»

С точки зрения контекста естественной является актуализация предметного значения слова ættjarðarlausu, образование по аналогии с ним слова ættjarðareigandi и разложение последнего на значимые части, но для обычного языкового сознания словосочетание eignast ættjörð — получить, приобрести родину неестественно и является нарушением семантических связей каждого из этих слов. Приобрести, получить родину в прямом и обычном смысле нельзя, родину человек получает при рождении, это то место, где человек родился.

Это, конечно, насмешка, злая сатира на тех, кто боится победы рабочих и пугает простых людей, будто рабочие отберут у них родину. Прекрасные слова используются для обмана, в то время, как их содержание далеко от языкового содержания этих слов.

Уничтожающему осмеянию подвергает Лакснесс Пьетура путем показа произвольного употребления Пьетуром слова satt «правда». Вопиющее пренебрежение объективной семантикой этого слова полностью раскрывает своеобразное понимание Пьетуром этого слова.

Абстрактное существительное satt обозначает объективное понятие, не поддающееся ограничению, конкретизации, счету. В словоупотреблении Пьетура оно предстает как конкретное, ограниченное во времени и пространстве. Соответственно его употреблению, может быть несколько правд.

— er það ekki satt; spurði hann undrandi. Sjðan hélt hann áfram með vaxandi styrk: það sem ég segi er ekki satt? Hér? Í mínu eigin hösi? Hvað er þá satt má ég spyrja? Nei ef kalli einsog þú ætlar að fara að segja mér

hvað sé satt og hvað sé ekki satt hér heima á mínu einkaheimili, þá er áreiðanlega kominn tími til að sýslumaðurinn tali við þig fyrir réttinum... Þið þurfið ekki að halda það leingur, þetta svokallaða gáfufólk sem er þó versta hyskið af öllu hyskinu, að ég sé sá smákalli og edjót að þið getið sagt við mig þetta er satt og hitt er ekki satt, eftir vild, það er ég, en ekki þú, sem á þessa eign, og það er ég, en ekki þú, sem ákveð hvað er satt og hvað er ekki satt hér á þessari eign,.. I, 343.

«Неправда? — спросил он удивленно. Затем со все усиливающимся гневом продолжал: «То, что я говорю — неправда? Здесь? В моем собственном доме? Что же тогда правда, разреши тебя спросить? Нет, если тип вроде тебя собирается указывать мне, что правда, и что неправда в моем собственном доме, значит судье определенно пора отдать тебя под суд... Вы, так называемые одаренные личности, которые в сущности не что иное, как самый последний сброд, вы больше не будете считать меня таким ничтожеством и идиотом, что вы можете говорить мне: «Это правда, а то неправда», по собственному желанию Это я, а не ты, хозяин этого поселка, и я, а не ты, решаю, что правда, а что неправда здесь, в этом поселке».

Одновременно с нарушением семантических связей необычное словоупотребление выражается в произвольном установлении семантических связей, когда объединяются явления, не имеющие между собой общегр. Обычно это происходит в результате своеобразного толкования понятий. Впечатление комизма от произвольного установления семантических связей усугубляется тем, что оно дается в речи персонажа в форме безапелляционного утверждения.

Забавную связь между христианством и авиацией раскрывает Пьетур в ответ на робкое замечание поэта о том, что христианство — это одно, а авиация — совсем другое, и их надо рассматривать отдельно:

Hver er munur á kristindómi og flugmálum? spurði þá Pétur Pálsson framkvæmdastjóri.

Því gat skáldið ekki svarað.

Þarna sérðu kalli minn, sagði framkvæmdastjórinn. Þú getur ekki sagt mér neinn mun á kristindómi og flugmálum. Sumir segja kristindómur en ekki flugmál, aðrir segja flugmál en ekki kristindómur. Ég segi ekki aðeins kristindómur Og flugmál, heldur hika ég ekki við að segja kristindómur Er flugmál og flugmál Er kristindómur. II, 45—46.

«В чем разница между христианством и авиацией? — спросил тогда директор Пьетур Паульссон.

Поэт не мог ничего ответить.

— Вот видишь, мой милый,— сказал директор.— Ты не можешь назвать мне никакой разницы между христианством и авиацией. Одни говорят «христианство, а не авиация», другие говорят: «авиация, а не христианство». Я же говорю не только: «Христианство И авиация», но я без колебаний скажу: «Христианство Есть авиация» и «Авиация Есть христианство».

Конечно, в таком ошеломляющем установлении семантических связей между словами *kristindómur* «христианство» и *flugmal* «авиация» есть смысл и вполне естественно, что Пьетур не видит разницы между старыми и новыми методами извлечения доходов. Вместе с тем по форме это блестящая пародия. Пьетур вправе считать себя смелым новатором, произнося эти слова: он утверждает не только, что между религией и достижениями техники есть связь, но что они тождественны. До этого в самом деле никто не додумался.

Столь же забавное установление семантических связей между словами, не имеющими таковых в языке, в следующем случае:

На коварный вопрос доктора, чувствующего, что в речи основателя «научного», спиритического общества наукой не пахнет: «А кто такие ангелы — птицы или млекопитающие, господи боже!» Пьетур не без остроумия отвечает: „*Okkar hámentaði og ættgöfugi læknir... er bæði fugl og spendýr og eingill í einni persónu.*“ I, 253.

«Наш многоуважаемый высокородный доктор... и птица, и млекопитающее, и ангел в одном лице». Оформление понятий *fugl* «птица», *spendýr* «млекопитающее», *eingill* «ангел» как однородных в данном случае странно, ибо оно означает наличие в них каких-то общих признаков, для данного случая вовсе не существенных. И однако есть основание для объединения всех этих существ и отождествления их с доктором. Последнего объединяет с ними то, что он столь же мало похож на человека, т.к. постоянно находится в состоянии животного опьянения. Столь охотное признание общности между названными фантастическими и животными существами говорит также о том, что Пьетур и сам отлично понимает, что «ученые» проблемы спиритов к науке не имеют отношения.

Употребление слов в сугубо индивидуальном значении

Своеобразным бывает словоупотребление, когда какое-либо слово наполняется сугубо индивидуальным содержанием. Так, интонация, построение фразы и подбор лексики свидетельствуют о том, что слово *glæramenn* «преступники» употреблено фальшивомонетчиком в самом положительном смысле:

Ró tekur í hnúkana þegar þetta helvítis rusl þykist vera glæramenn. II, 267.

«Но это уже слишком, когда эти проклятые ничтожества мнят себя преступниками!»

Фальшивомонетчик имеет в виду мелких воришек, которых не считает достойными называться преступниками. Синтаксические и лексические условия определяют положительное содержание слова *glæramenn* «преступники»: презрительно-негодующая интонация, пейоративная окраска слова *rusl* «ничтожество, сброд», антонимически противопоставленного слову *glæramenn* «преступники».

Иногда словоупотребление свидетельствует не об индивидуальном значении слова, а лишь об особом, субъективном отношении говоря-

щего к определенным вещам. Так, количественное и временное уточнение *eitt sálmalag um miðjan dag* «псалом около полудня» выдает утилитарное и даже несколько расчетливое отношение Пьетура к тому, что он провозглашает своим любимым занятием:

Eitt sálmalag um miðjan dag, það gerir mann svo undarlega góðan, það kastar geislum yfir sálina þángaðtil langt frammá kvöld. I, 204.

«Один псалом около полудня делает человека таким удивительно добрым, он озаряет душу вплоть до самого вечера».

Конечно, словосочетание *eitt sálmalag* «один псалом» может восприниматься и как выражение с неопределенным значением. Хотя в исландском языке нет неопределенного артикля и определенный артикль противопоставлен отсутствию артикля, встречаются случаи выражения неопределенности посредством числительных *einn, ein, eitt*. Однако последующий контекст заставляет предполагать здесь скорее счет, а не неопределенность, ибо вскоре становится известно, что Пьетур имел в виду, по всей вероятности, вполне определенный псалом «Восславим нашего милостивого господя», действие которого на людей им было уже проверено, и не считал нужным петь больше.

Отношение Пьетура к этому псалму недвусмысленно выражено в словах *jafnfljótt og gagnert* «столь быстро и эффективно». Ясно, что для Пьетура это испытанное средство вызвать у окружающих религиозный экстаз.

Við skulum sýngja Lofið vorn drottinn hinn líknsama föður á hæðum sagði framkvæmdastjórinn. Einginn sálmur lyftir huganum jafnfljótt og gagnert í hæðimar. II, 50.

«Споем-ка «Восславим нашего милостивого господя-отца на небесах»,— сказал директор.— Ни один псалом не возносит мысль столь быстро и эффективно на небеса».

Совершенно определенное отношение Пьетура к науке явствует из замены слов *fræðimennska og vísindin* «наука» на неопределенное местоимение *svoleiðis* «такое, такая вещь», приобретающее в данном словесном окружении несколько пренебрежительную окраску:

Og hvað víðvíkur fræðimennsku og vísindum, þá höfum við hérna mikinn áhuga á því, vegna þess að allt svoleiðis hjálpar til að lyfta almenníngi á hærri stig og venja hann á að hugsa um eitthvað annað en munn og maga. I, 202.

«Что же касается науки и просвещения, то ими мы здесь также очень интересуемся, потому что всякие такие вещи помогают поднять простых людей на более высокую ступень и приучают его думать не только о хлебе насущном».

Смысловая многоплановость слов

В результате контекстного употребления слово может настолько изменить свое значение, что последнее может быть понятно лишь в системе контекста произведения.

Контекстное употребление слова может свидетельствовать о сугубо контекстном, нередко сугубо индивидуальном содержании этого слова. Такое окказиональное значение у слова может появиться в результате его произвольного, например, тенденциозного употребления.

В романе встречается много слов в тенденциозном употреблении, фактически означающих не то, что значат эти слова в языке. Однако нельзя произвольно менять значение слов, т.к. значение слов есть объективная категория. Конечно, значение слова в языке меняется. Изменение значения слова осуществляется в речи. Слово взаимодействует с другими словами и постепенно изменяет свое значение.

Изменение значения слова, в сущности, означает изменение содержания, связываемого с этим словом. Изменяться значение слова может и в результате тенденциозного словоупотребления. Изменение значения создается частотой словоупотребления. Так, мы можем наблюдать появление у слова «свободный» в современном русском языке нового, иронического оттенка значения в добавление к 19-ти значениям и оттенкам значения, отмеченным в словаре современного русского языка Академии Наук³. Этот оттенок значения появился в результате тенденциозного употребления слова, например, в сочетании «свободный мир».

Можно даже абстрактно представить себе, что в результате настойчивого, постоянно повторяющегося словоупотребления этот оттенок значения, превратившись в самостоятельное значение, вытеснит другие значения этого слова, скомпрометирует само слово в сознании людей, и понятия, связываемые ранее с этим словом, станут выражаться другими словами. Это рассуждение, разумеется, условно и вовсе не обязательно отражает реальные тенденции исландской речи, но оно нужно нам в качестве иллюстрации тенденциозного использования слов в тетралогии, ибо именно таковой, как мы увидим, оказывается судьба отдельных слов.

Однако изменение значения слова в языке — длительный и сложный процесс. Пока в сознании всех людей, говорящих на данном языке, изменившееся значение не стало единственным или основным, слово существует в совокупности всех своих значений, прежде всего в основном языковом значении и в многочисленных оттенках значения, реализующихся в индивидуальном или общем для группы людей словоупотреблении.

Поэтому понятно, что в тетралогии слова, употребляемые тенденциозно, оказываются многоплановыми. Основное языковое значение неизменно актуализуется в слове, как только оно начинает употребляться без соответствия с основным языковым значением. Кроме того, контекстные значения, в которых одно и то же слово понимается различными персонажами, могут быть различными. Контекстные значения одного и того же слова могут также расходиться с объективно-кон-

³ Словарь современного русского языка, М.—Л., 1962, т. 13, стр. 399—406.

текстным значением слова, вытекающим из изображаемых событий, и это значение не всегда совпадает с объективно-языковым значением слова. В результате слово в контексте тетралогии приобретает многоплановость, обозначая различные, нередко диаметрально противоположные понятия.

Сложные переплетения контекстных значений и столкновение их между собой и с основным языковым значением слова становится важнейшим средством иронического и сатирического показа, ибо словами, обладающими в тексте тетралогии семантической многоплановостью, оказываются прежде всего слова, принадлежащие к сфере морально-эстетической, а также различные политические термины, используемые тенденциозно, и расхождение контекстных и объективно-контекстных значений этих слов с языковыми значениями может быть вопиющим.

Важность раскрытия семантической многоплановости слов в тексте тетралогии художественно обусловлена. Предпосылкой раскрытия семантической многоплановости слов является постоянное взаимонепонимание персонажей. Лакснесс показывает, до какой степени слово может стать произвольным обозначением, служа определенным целям и интересам, и в то же время самые простые слова становятся «непонятны», когда их невыгодно понимать. Он показывает крупным планом гротескную фигуру Пьетру Паульссона, который парадоксально «не понимает», что значит «работа», «есть и спать», в то время как тот же Пьетур всегда и во всем видит скрытый смысл. Но он предпочитает «не понимать» слов, напоминающих о бедности, нищете, потому что ему выгодно считать, что их не существует.

Использование персонажами слов общенародного языка в своих целях может долго не осознаваться другими. Фактически слово уже обладает многоплановостью семантики, но она может быть выявлена не сразу. Собеседники могут употреблять слово каждый в своем понимании, думая, что имеют в виду одно и то же. Отсюда проистекают забавные случаи взаимонепонимания, вернее, непонимания Оулавюром других людей, воспринимаемое им трагически. Он страдает, не в силах пробить брешь в глухой стене, отделяющей его от людей, как, например, в разговоре с редактором газеты (II, 237).

Трагическое непонимание других людей, ведущее к обнаружению семантической многоплановости слов, возникает сразу, как только наивный, мечтательный юноша Оулавюр начинает самостоятельную жизнь после переезда в Свидинвик. Жестокое детство на хуторе Фоутур Ундир Фоутарфайти лишь укрепило в нем веру в «духовные силы», «идеалы», «свет». Он полон веры в жизнь, счастлив своей молодостью, «чудесным» исцелением от тяжелой болезни.

Такая экспозиция подготавливает столкновение мечты и действительности. Трагические контрасты возвышенного и низменного, прекрасного и безобразного составляют основу стиля тетралогии. Столкновение нередко проявляется в словах, обладающих смысловой многоплановостью. Многоплановость слов обнаруживается в тексте тетралогии прежде все-

го в диалогической речи. Примером служит диалог Оулавюра и Халлы-беглянки, когда женщина буквально все слова, сказанные Оулавюром, понимает по-своему.

Совершенно различным оказывается содержание слова *mikilmenni* «великий, благородный человек» для Оулавюра и Халлы. Когда Оулавюр выражает робкую надежду на то, что какой-нибудь великий человек захочет помочь ему получить образование, то он представляет себе великих людей такими, как они описаны в знаменитых книгах:

Mikilmenni, sagði eg, Eða hefur þú kanski aldrei heyrt talað um mikilmenni einsog talað er um í frægum bókum? I, 190.

«Великие люди, — сказал я. — Или ты никогда не слышала о великих людях, о которых говорится в знаменитых книгах?»

Но Халла никогда не слышала о таких «великих людях». Она знала других великих людей:

Þau mikilmenni sem ég hef kynst áttu öll sammerkt í því að meta meira lyddurnar sem voru þeim nógu auðsveipar en þessa svokölluðu vandalausu únglinga sem lángaði til að verða að manni. I, 190.

«Все как один, великие люди, которых я знала, предпочитали трусов, которые были достаточно сговорчивы, сиротам, которым хотелось выйти в люди».

Точно такое же различие взглядов поэта и старухи на жизнь склывается в различном понимании ими слова *storidómur* «кровавый суд»⁴. Продолжая свою мысль о великих людях, Халла утверждает, что некоторые пасторы и старосты, которых она знала, даже жалеют о том, что отменен кровавый суд. Однако, когда Оулавюр выражает удовлетворение по поводу того, что этого уже нет, старуха с ним не согласна. Если *storidómur* «кровавый суд», «когда людей топили в реке Эхсарау» для Оулавюра — прошлое, то для старухи это слово обозначает настоящее. Даже с утверждением Оулавюра, что на все божья воля, старуха не согласна, т.к. и эти слова понимает по-своему.

Одной из важнейших функций, которые выполняет семантическая многоплановость слова, является создание с ее помощью антитетической характеристики персонажей. Роман весь построен на антитезе. Главный персонаж Оулавюр постоянно противопоставляется то одному, то другому персонажу, что позволяет полнее выявиться его необычному характеру.

Поскольку семантическая многоплановость проявляется прежде всего в диалогах, нередко одного такого диалога оказывается достаточно для исчерпывающей характеристики персонажа, например, эпизодической фигуры Халлы-беглянки. Лакснессу удалось несколькими штрихами дать в этом диалоге различие жизненных позиций Оулавюра и Халлы-беглянки. Старая женщина трезво смотрит на жизнь, она не стала покорной и знает, кто виновник ее несчастий. Оулавюр же живет

⁴ Буквально «великий приговор» (принятое Альтингом в 1564 г. судебное решение по вопросу о преступлениях против нравственности).

в мире далеких от реальности представлений и сознания своей зависимости от других.

В диалоге с Халлой Оулавюр противопоставлен ей прежде всего как человек. Поэтические принципы Оулавюра отчетливо выявляются путем противопоставления Оулавюра другим поэтам, прежде всего поэту Реймару. Основу противопоставления составляет многоплановость упоминаемых в диалоге слов.

Поддерживая длинную беседу о поэзии с проводником Реймаром, Оулавюр чувствует, что тот говорит как будто не о поэзии, а о чем-то другом. Коренное различие в отношении каждого из поэтов к поэзии выявляется, наконец, когда Оулавюр задает Реймару вопрос о самом важном, по его мнению, о том, что составляет суть поэзии — о духе и душе. Для Оулавюра слова «душа» и «дух» являются синонимом всего прекрасного и означают, в сущности, «внутренний мир поэта», без которого его жизнь бессмысленна. Для Реймара «душа» — далекая область.

Því andlega? Sálinni? spurði Reimar skáld. Áttu við erfíljóð eftir dauðamenn og svoléiðis?

Nei, ég meina andann, sagði únga skáldid, — sálina. I, 122.

«— Духовное? Душа? — спросил поэт Реймар. — Ты имеешь в виду стихотворения в честь умерших или что-нибудь в этом роде?

— Нет, я имею в виду дух, — ответил молодой поэт. Душу».

Реймар, в противоположность Оулавюру, человек земной, эпикуреец в поэзии и жизни. Он отвечает:

Hvað ert þú að tala um sál, dreingur, — sálin, það tilheyrir prestunum-stulkurnar vilja ekkert heyra um þannig lagað. I, 122.

«Зачем ты говоришь о душе, парень, — душа, это область священников, девушки не хотят слушать о подобных вещах».

Но главное, что Реймару отлично известно, что содержание этого слова в речи фактически изменилось, что он и раскрывает посредством остроумного каламбура, построенного на омонимии слов, одно из которых является архаизмом.

Á góðri og gamalli íslensku, þá þýðir sálin poki, skal ég segja þér, karlminn, og ætli þeir sem tala mest um sálina kunni ekki betur við að þú stíngir einhverju í pokann hjá þeim, karl minn. I, 122.

«На добром старом исландском языке слово «душа» означало «мешок», скажу тебе, старина, и те, кто больше всего говорят о душе, только и ждут, чтобы ты сунул что-нибудь им в мешок».

Лакснесс намеренно сталкивает различные понимания одного и того же слова, потому что они четче противопоставляются таким образом основному, языковому значению слова. При всем различии контекстных значений слова основным источником иронии служит столкновение контекстных значений с основным, языковым. Не будучи названным, основное значение неизменно вырисовывается на фоне столкновения контекстных значений.

В приведенном выше примере многоплановости слова «душа» иронию порождает не столько столкновение контекстных значений между собой, сколько расхождение одного из них, а именно значения Реймара («мешок») с обычным языковым. Впоследствии многоплановость этого слова увеличивается за счет тенденциозного употребления слова «душа» Пьетуром. Содержание, вкладываемое в это слово Пьетуром, объективно сближается с содержанием слова «душа» у Реймара, и столь же резко контрастирует с языковым.

Аналогично увеличивается семантическая осложненность слова *mikilmenni* «великие люди», когда еще один персонаж, Вегмей, выражает свое понимание этого слова:

Auk þess sagði merk kona sem ég hitti í gær, að mikilmenni séu ekki til hér í landsfjórðungum.

Það er lýgi, sagði stulkan. Sannaðu til, ef þú talar nógu illa um oddvitann við Pétur þri, þá gerir hann alt fyrir þig. Þeir sjá nefnilega báðir ofsjónum hvor yfir því sem hinn stelur. I, 196.

«Кроме того, одна замечательная женщина, которую я встретил вчера, сказала, что великих людей в этой округе нет.

— Ложь,— сказала девушка. Ты можешь в этом убедиться, если будешь достаточно плохо говорить о старосте с Пьетуром Три. Каждый из них страшно завидует тому, как крадет другой.»

Несмотря на кажущееся отрицание слов Халлы и защиту «великих людей», значение этого слова у Вегмей смыкается с тем, какое оно у Халлы. Качества «великих людей», указываемые Веглей, резко контрастируют с языковым значением слова и лишь усиливают комический эффект от столкновения ранее выявившихся контекстных значений с языковым.

В контексте тетралогии даже самые простые, общепонятные слова общенародного языка неожиданно обнаруживают многоплановость семантики. Совершенно противоположным смыслом наполняются слова *vondur* «дурной» и *góður* «хороший» в Свидинсвике, они попросту меняются местами: одно означает содержание другого, и наоборот. Лакнесс показывает, как эти слова из области обозначения моральных понятий, переходят в область социальных понятий, наполняясь сугубо социальным содержанием.

На обвинения Эрдна Ульвара в адрес Пьетура Оулавюр отвечает, что все же не верит, что Пьетур — дурной человек. Он вообще не верит в то, что есть дурные люди. Хотя у Оулавюра, конечно, своеобразное понимание добра и зла, все же оно остается в области моральной. Эрдн же раскрывает перед ним социальный смысл этих слов, то содержание, которое в Свидинсвике и других подобных местах приобрели слова «дурной» и «злой». Соответственно этому пониманию Пьетур вовсе не дурной человек.

Þú segir Pétur Þríhross er ekki vondur maður, ég segi gott og vel, hver heldur því fram að hann sé vondur maður. Hér á Svidinsvík eru til þrjár tegundir af vondum mönnum, það eru hjallþjófar, kjaftforir fyllirastar og kvennamenn

sem eiga krakka á kostnað skattþegnanna. Eingin þeirra stelur neinu frá fátæklingunum né lýgur að þeim. Saklausari fyrirbrigði eru ekki til í okkar hreppsfélagi en vöndir menn. Ef ég ásakaði Pétur Þríbros fyrir að verða vöndan mann væri ég fífl. Ég ásaka hann fyrir að vera góðan mann, kærleiksríkan mann, göfugmanni, andlegan frömuð, mentavin, trúarhetju og hjálparhellu fátækra skálda. I, 271.

«...Ты говоришь, что Пьетур Три Лошади не-дурной человек. Отлично, говорю я, кто же утверждает, что он дурной человек. Здесь в Свидинсвике есть три рода дурных людей: те, кто крадет из сараев, вздорные пьяницы и многодетные женщины, живущие за счет налогоплательщиков. Никто из них не крадет у бедняков и не обманывает их. Невиннее существ нет в нашем приходе, чем дурные люди. Если бы я обвинял Пьетуре Три Лошади в том, что он дурной человек, я был бы круглым идиотом. Я обвиняю его в том, что он хороший человек, любвеобильный человек, благородный человек, покровитель духа, сторонник просвещения, поборник веры и опора бедных поэтов».

Заключительные слова обрамляют страшный рассказ Эрдна о судьбе Дисы из Хаульсбуда. Жуткой иронией звучат слова Эрдна о том, что, превратив свою жертву в человекоподобное «существо», власти стыдятся теперь отправить ее в больницу для умалишенных:

Þeir höfðu svo finar tilfinningar að þeir komu sér ekki að því að láta aðra sjá hvað góðir menn sem stjórna hreppsfélagi geta gert úr einni manneskju, aðeins ef þeir eru nógu góðir, nógu kærleiksríkir og göfugir, nógu miklir andans frömuðir og mentavinir, nógu miklar trúarhetjur og hjálparhellur fátækra skálda. I, 273.

«Они были столь изысканно чувствительны, что постеснялись показать другим, что добрые люди, управляющие приходом, могут сделать с одним человеком, если только они достаточно добры, достаточно любвеобильны и благородны, достаточно могущественны, покровители духа и сторонники просвещения, поборники веры и опора бедных поэтов».

Мы видим, что лингвистические средства сочетаются здесь с другими средствами сатирического изображения. Этот рассказ объективно изображает «хороших людей», якобы страдающих беднякам. Далее, эпитеты, даваемые Эрдном Пьетуре, столь же точно соответствуют последнему, оказываемой им помощи бедным поэтам на примере Оулавюра, заботе о вере и просвещении и т.д. О том, каков этот «добрый человек», «благородный человек», «покровитель духа» и т.д. рассказывается на протяжении двух романов «Замок в царстве лета» и «Дом поэта».

Наглядно иллюстрируется и тезис о «дурных людях». На страницах тетралогии проходят все те представители «дурных людей», о которых говорил Эрдн Ульвар: мелкие воришки (в тюрьме), многодетные женщины — Халла-беглянка, пьяницы — Вечный Дади. Все они изображены с большим сочувствием и противопоставлены «хорошим людям».

Указанный прием материализации какого-либо слова, фразы, внутреннего образа фразеологизма, важной мысли, чрезвычайно характерен для творческого метода Лакснесса. В тетралогии находим этому немало примеров. Этот прием обуславливает взаимосвязанность частей, сообщает повествованию организованность и цельность, наглядно демонстрирует подчиненность всех средств — и языковых, и чисто изобразительных — общей задаче.

Тем самым усиливается смысловая емкость слов и фраз, образуется подтекст. Слова Эрдна не кажутся абстрактными рассуждениями, они точно бьют в цель. Назначение этого приема — создание объективно-контекстного значения у слов, употребляемых тенденциозно, несоответствие которого тенденциозному выявляет авторскую иронию. Вместе с тем этот прием придает особую наглядность сатире Лакснесса, сближает повествование с произведениями драматического жанра, ибо этот прием характерен именно для сатирической драматургии.

Слова *vondir, góðir menn* «дурные, хорошие люди», *sál* «душа» в понимании поэта Реймара, *mikilmenni* «великие люди» в понимании Халлы-беглянки и Вегмей, обнаруживающие многоплановость в тексте тетралогии, обладают устойчивой осложненностью семантики. Их семантическая осложненность родилась не в контексте тетралогии. Устойчивая осложненность семантики подобных слов лишь фиксируется в тексте тетралогии, здесь проявляются оттенки значения, сложившиеся в результате длительного тенденциозного словоупотребления в реальной речевой практике. В то же время в тексте тетралогии нередко эти слова обрастают новыми оттенками значения в результате своеобразного понимания их отдельными персонажами, и приобретают семантическую многоплановость.

Еще более важным является то, что в тетралогии показан как бы в самом зарожении процесс изменения значения слова вследствие тенденциозного словоупотребления большого количества слов.

Во второй и третьей части тетралогии на неискушенного в жизни главного персонажа, сквозь призму восприятия которого пропущено все повествование, и на забитых и невежественных свидинсвикцев обрушивается беспорядочная лавина демагогических речей Пьетура Паульсона, человека, фактически распоряжающегося поселком. В этих речах постоянно уминаются слова с возвышенной семантикой вроде *kærleikur* «любовь», *ljós* «свет», *hið andlega* «духовное, духовная жизнь», *fegurð* «красота», *ættjörð* «родина», *hugsjón* «идеалы», *Sannir Íslendingar* «Истинные исландцы» и т.д. Этим словам в речи Пьетура полемически противопоставляются другие: *ættjarðarlausir* «люди, лишенные отечества», *þrælar* «рабы», *efnishyggja* «материализм» и др.

Перечисленные слова группируются между собой соответственно различным идеям, овладевающим Пьетуром почти одновременно. Круг его интересов очень широк. В то же время эти идеи имеют точки соприкосновения, поэтому слова, относящиеся к различным идеям, нередко причудливо объединяются между собой. Тем самым шаржированно по-

казывается, что Пьетуром фактически владеет одна — единственная мысль — любым путем добиться обогащения и власти. Тесная связь замыслов Пьетура и подчиненность одной цели сразу обнаруживается, как только обнаруживается семантическая многоплановость слова nútíminn «современность» на стр. 46—47 II-ого тома.

Пьетур: Flugvél, það er nútíminn.

Ég hélt að nútíminn, það væri fyrst og fremst að hafa í sig og á, sagði skáldið. II, 46.

«Современность — это самолеты».

«Я считал, что современность — это прежде всего быть сытым и одетым».

Пьетур: Nútíminn, það er þegnskapur, það er að eiga ættjörð til að svelta fyrir og drukna fyrir ef atvinnuvegirnir krefjast. Nútíminn, það er að vera reiðubúinn að láta sinn síðasta blóðropa fyrir sögu þjóðarinnar og framtíðarvonir Nútíminn það er að vera ekki rússi. Nútíminn, það er að vera ekki ættjarðarlaus írskur þræll. II, 47.

«Современность — это чувство гражданственности. Это значит иметь родину, чтобы голодать ради нее и утонуть за нее, если этого требует экономика страны. Современность — это значит быть готовым отдать кровь до капли ради истории народа и его надежд на будущее. Современность — это значит не быть русским. Современность — это значит не быть ирландским рабом».

Когда Пьетур заявляет, что современность — это самолеты, а Оулавюр не согласен с ним, считая, что современность — это прежде всего быть сытым и одетым, то такому грубому материальному пониманию современности Пьетур противопоставляет свое, подробно раскрывая, что входит в это понятие. Слово nútíminn «современность» тотчас становится многоплановым, т.к. благодаря столь различному пониманию его значения в нём неизбежно актуализуется и его языковое значение.

Еще в одном месте Пьетур говорит о своем понимании слова «современность»:

En það er ég Peder Pavelsen Three Horses, sem skil nútímann. Mentun, vísindi, tækni, skipulag, segi ég; en þó umfram alt sálarproski, kærleikur, ljós.

Большая часть существительных, с помощью которых Пьетур раскрывает свое понимание современности, представляют собой слова в тенденциозном употреблении. Фактическое содержание их резко отличается от объективного содержания этих слов. Появление этих слов отражает идейную и экономическую борьбу в Свидинсвике. Для прикрытия своих махинаций (затопление траулера и поджог дома с целью получения страховой премии и сокрытия документов) Пьетур раздувает шумную кампанию по перенесению костей двух преступников, создает спиритическое общество, на котором вызывает души погибших на траулере рыбаков и умерших от голода детей, с целью убедить вдов, что мертвые довольны своей судьбой. Благодаря подобной «заботе» об односельчанах Пьетур известен как человек, который «не может видеть

нищеты и готов в лепешку разбиться ради других». Поэтому содержание громких слов *kærleikur* «любовь», *ljós* «свет», *guð* «бог» на самом деле реакционно.

Понятия «современность» и «церковь, религия» у Пьетура очень тесно связаны, хотя как будто одно должно исключать другое, поскольку современность прежде всего понимается Пьетуром как развитие науки и техники. Слово *kærleikur* «любовь» означает для Пьетура то же, что церковь, религия, бог: *guð er kærleikur* «бог — это любовь», говорит Пьетур: I, 203. Пьетур называет и цель этой «любви»:

Kærleikurinn þrátt fyrir allt, það er takmar lífsins. Kærleikurinn er nefnilega það eina sem borgar sig þegar til lengðar lætur, þó hamn virðist vera tap í svipinn. I, 203.

«Любовь несмотря ни на что, вот цель жизни. Любовь это то единственное, что в конце концов оплачивается, даже если в настоящее время кажется, что ты проиграл».

Религия лишь нуждается в некотором усовершенствовании. Пьетур понял что «дух времени — наука, а не религия»: *andi nútímans er vísindi, en ekki trú.* I. 253. «Раз религия не может доказать этим несчастным людям, что человеческое существование по своей сути божественно, это должна сделать наука»: *Úr því trúin getur ekki sýnt þessum alslausu manneskjum að tilveran er gúðdómleg í eðli sínu, þá eiga vísindin að gera það.* I, 254.

Поэтому девиз Пьетура — *skynsemiskristindómur* «разумное Христианство». Поэтому к рассуждениям о боге и любви присоединяются слова вроде «свет», «дух» и т.п., обозначающие спиритические понятия.

Еще более реакционно стремление Пьетура противопоставить «свободнорожденных» *frjálsbornir*, «истинных исландцев» *Sannir Íslendingar* «людям, не имеющим родины» *ættjarðarlausir*, «рабам» *írskir þrælar*, — являющееся проповедью фашистских расистских идей.

Лакнесс показывает, как люди типа Пьетура применяют к себе слова, обозначающие людей, пользующихся признанием и популярностью. Пьетур неоднократно называет себя социалистом, демократом *sózialist*, *lýðræðissinni*, стремясь прослыть передовым и либеральным. Эта словесная мимикрия отражала рост влияния социалистических идей в Исландии в годы кризиса и накануне второй мировой войны.

Впечатление карикатурной убедительности такого словоупотребления усиливается благодаря тому, что употребление слова как будто соответствует его значению. Подобно тому, как в обычном словоупотреблении, отражающем реальное содержание слов, слово «социалист» приобретает прямо противоположную эмоциональную окраску, в зависимости от того, употребляет его друг или враг, так и в тексте тетралогии оно выступает то как похвала, то как ругательство. Пьетур называет себя с гордостью «социалистом»:

Alt fyrir fólkið, segi ég. Ég er það sem kallað er á útlendu máli sósia- list. I, 215.

«Все для народа, говорю я. Я тот, кого на иностранном языке называют социалист».

Сатирическое звучание термина «социалист» в применении к Пьетуру усиливается, когда Юэль называет его «проклятым социалистом».

Já, þú hefur allan þína hundstíð verið einn djöfuls sósíalista. I, 295.

«Да, ты всегда был одним из этих проклятых социалистов».

Для Юэля это самое крепкое ругательство. Он не из тех, кто либеральничает, это матерный фашист. Здесь слово скорее выступает в его словарном значении, т.к. ненависть Юэля относится не к Пьетуру, а к настоящим социалистам, поэтому особенно забавно звучит слово sósíalist в применении к Пьетуру.

Однако, когда Пьетур начинает употреблять слова sósíalist «социалист» и lýðræðissinni «демократ», контекст тотчас дискредитирует их, настолько словоупотребление не соответствует объективной семантике этих слов.

После того, как Реймар написал сатирическое стихотворение на смерть двенадцати рыбаков, в котором содержались обвинения по адресу Пьетура, последний применяет к нему репрессивные меры.

Hann sagðist sem lýðræðissinni, kristinn maður og sósíalist ekki geta þolað mönnum að yrkja þvilíkt nið um alþýðuna eftir að hún væri druknuð, og höfuðskáldinu var samstundis sagt upp starfi því er hann hafði við pósthlutnín ga. II, 20.

«Он сказал, что как демократ, христианин и социалист не потерпит, чтобы сочинялись такие оскорбительные стихи о простых людях после того, как те утонули, и главному поэту было тотчас отказано от места почтальона».

Слова sósíalist «социалист», lýðræðissinni «демократ» не имеют отношения к содержанию фразы и объективно противоречат ему. Пожалуй, только одно kristinn maður «христианин» имеет отношение к содержанию. «Социалист» же и «демократ» на самом деле боятся проявления свободомыслия своих подчиненных.

Описываемые в тетралогии события, особенно во 2-ой и 3-ей книге, отражают реальные события, типичные для Европы времен расцвета фашизма, и до мельчайших подробностей отражают картину политической и экономической жизни Исландии в годы усиления фашистской реакции. В Исландии существовало и спиритическое общество Sálagannsóknarfélag, аналогичное Психологическому обществу Sálvisindafélag Пьетура Паульссона, и знаменитая женщина-медиум, лечившая людей с помощью доктора-эльфа, в которой легко узнать Тоурунн из Камбар, и выкапывание костей, и проповедь превосходства германцев над славянами и кельтами, и шпионаж в пользу иностранных держав, промышлявших в исландской рыболовной зоне, и редакторы, пытавшиеся сделать из Лакснецца «своего поэта», и реальные репрессии по отношению к писателю.

Отражение всего этого богатого жизненного материала было, разумеется, пародийным и полемичным. В подавляющем большинстве слу-

чаев пародийное изображение создается за счет употребления слов соответственно вкладываемому в них тенденциозному содержанию, и усиления вызванных тенденциозным словоупотреблением оттенков значения, проводящее к резкому столкновению тенденциозного содержания слова с объективным содержанием слова в языке.

Подмена значения слова в результате тенденциозного словоупотребления ощущается тем резче, что писатель нарочито сталкивает **одни и те же слова** в двух резко противопоставленных стилевых планах: ироническом (превращающимся объективно нередко в остросатирический) и лирико-патетическом. Слова, которые произносит Пьетур, воспринимаются Оулавюром с восторгом, потому что это те самые слова, которые для Оулавюра означают самое святое: *kærgleikur* «любовь», *ljós* «свет», *því andlega* «духовное», *eilíft líf* «вечная жизнь».

Слова Пьетура и Тоурунн из Камбар о невидимых существах в космосе *ósýnilegu vefu í geimnum* напоминают о видениях Оулавюра и его «невидимом друге», в котором для Оулавюра воплощается «поэтический дух». Слова, означающие для Оулавюра самое возвышенное, для Пьетура — лишь средство к достижению корыстных целей. Эмоциональная наполненность одних и тех же слов одновременно резко противоположна.

Неудивительно, что контекстное значение, особенно столь субъективное, раскрывается не сразу. Многоплановость слова долго продолжает оставаться нераскрытой, порождая недоразумения. Поэтому Пьетур считает, что Оулавюр поддерживает его, когда тот резонно замечает, что и истинные и не-истинные исландцы прежде всего исландцы. Слово *Íslendingar* «исландцы» Пьетур тоже понимает по-своему, оно у него синонимично словосочетанию *Sannir Íslendingar*, которые обозначает его сторонников.

Тенденциозные слова Пьетура тесно связаны между собой. Нередко он поясняет одно через другое, столь же тенденциозно употребленное слово, не раскрывая смысла поясняющих слов.

В приводимом выше случае раскрытия многоплановости слова *pútíminn* «современность» в ходе беседы Пьетура и Оулавюра может показаться, что значение Пьетура ближе к словарному значению слова «современность», а значение Оулавюра субъективно — «быть сытым и одетым», пока не станет ясно, что подразумевает Пьетур под словами *ættjörð* «родина», *þegnskapur* «чувство гражданственности» и т.д.

Поэтому Оулавюр восхищен, когда слышит от Пьетура слова о науке и даже о загробной жизни, потому что он привык понимать под этим другое:

hvað viðvíkur fræðimensku og vísindi, þá höfum við hérna mikinn áhuga á því.

«Что касается науки, то мы здесь ею очень интересуемся» или:

takmarkið með öllum vísindum nútímans hlýtur að vera aðeins eitt, og getur aldrei orðið nema eitt, og það er annað líf. I, 202.

«Целью любой современной науки должно быть одно, и только одно — загробная жизнь».

Невыраженная многоплановость семантики слов встречается постоянно. Оулавюр ещё не знает, что значит ljós «свет», ósýnilegu vefurnað «невидимые существа» у Пьетура (I, 203), и понимает по-своему.

Недоразумения и заблуждения Оулавюра постоянны, и причиной этому неизменно оказывается невыраженная многоплановость слов. Оказывается, что Оулавюр не понимает (или не хочет понимать) значения слов редактора, когда тот предлагает помочь ему избежать тюрьмы, если он напишет нужные редакции стихи. Редактор не раскрывает многозначности своих слов, и Оулавюр понимает их по-своему.

— einsog þú veist getum við ritstjórar og flokkshöfðingjar hvítþvegið hvern sem er ef hann hefur réttan skilning á réttum öflum. II, 236.

«—Как тебе известно, мы, редакторы и партийные вожди, можем обелить любого, если он обнаруживает истинное понимание истинных сил».

Оулавюр отвечает, что он всегда стремился к «истинному пониманию истинных сил»:

Réttur skilningur á réttum öflum,.. það hefur ævinlega verið insti þrámin. II, 236.

По мнению Оулавюра, «истинное понимание истинных сил» заключается в прославлении солнца.

Elska sólina og lofa umfram aðra hluti, — Ólafur Kárason hélt að aungvir, hvorki menn né skáld, gætu komist öllu leingra í því að hafa réttar skoðanir á réttum öflum hér á jörð. II, 236.

«Любить солнце и прославлять его превышает всего остального — Оулавюр Каурасон считал, что никто, ни люди, ни поэты не могли достигнуть более правильного понимания истинных сил, действующих здесь, на земле».

В целях сатирического разоблачения подмены значения слова в результате тенденциозного словоупотребления, Лакснесс намеренно дает такое употребление слова, которое разрушает внутреннее единство слова. Расхождения в понимании слова столь значительны потому, что Оулавюром слова понимаются слишком широко, а Пьетуром те же слова понимаются, наоборот, слишком узко, терминологически. Для Оулавюра слова kærleikur «любовь», ljós «свет», andi «дух», ósýnilegu vefur «невидимые существа» почти абсолютные синонимы, содержание которых расплывчато. Для Пьетура, Тоурунн, Яртрудур подобные слова наполнены конкретным содержанием. Ljós «свет», andi «дух», straumur «ток» это всего лишь спиритические термины. «Sannir Íslendingar» — лишь название организации. Существующие в языке термины, и без того однозначные и узкие, он сужает до пределов лишь нужного ему значения: наукой для него является не всякая наука, а лишь та, цель

которой — загробная жизнь, причем определено, для кого эта наука предназначается: для вдов и сирот.

Því fyrir hvern eru vísindin, hin sönnu vísindi, hin einu nauðsynlegu vísindi, sálvísindin? Þau eru fyrir fátækar ómentaðar alþýðukonur. I, 254.

«Ибо для кого существует наука, истинная наука, единственная необходимая наука, наука о душе?— Для бедных и невежественных женщин из народа».

Каждое слово в употреблении Пьетура имеет конкретное и строго определенное утилитарное содержание.

Термин в языке однозначен и конкретен. Поэтому всякое произвольное употребление термина производит комическое впечатление. Так, нелепо употребление слова efnismenn «материалисты» в следующем случае. Услышав, что Хоульмфридур не сочинила стихотворения в честь открытия общества спиритов, потому что была занята с коровами Пьетура, последний называет её материалисткой, так как она не интересуется проблемами души.

Já þið þykist öll vera efnishyggjumenn, sagði framkvæmdastjórinn... I, 206.

«Все вы материалисты,— сказал директор».

Аналогично недопустимое искажение и сужение термина ættjörð «родина» в значении «поселок Свидинсвик» I, 126 и др.

Вскрывая расхождение контекстных словоупотреблений с объективным смыслом слов, Лакснесс намеренно сталкивает их именно с терминологическим значением, имеющимся у слова в языке, ибо тем самым расхождение выявляется резче. Вспомним, как впервые на страницах тетралогии появляется слово ága. Один из рабочих на собрании рассказывает об очередной выдумке Пьетура. Большинство присутствующих слышат слово ága «ореол» впервые в жизни.

Hann segir að það sé til að halða árunni hreinni.

Árunni? Hvur andskotinn er nú það?

Það er dyrðarljómi einsog kríngum jesúbarnið og maríu mey; það fer af ef menn taka í nefið. II, 30.

«— Он говорит, это для того, чтобы иметь чистый ореол.

— Ореол?— что ещё за чертовщина такая?

— Это что-то вроде сияния вокруг головы младенца Иисуса и де-вы Марии. Оно пропадает, когда люди начинают нюхать табак.»

Лакснесс сознательно сталкивает терминологическое значение слова ága «ореол» в языке, а не переносное, также существующее у этого слова в языке, с терминологически узким контекстным значением, в котором употребляет это слово Пьетур. Значение, придаваемое Пьетуром слову ága «ореол», очень точно выражено в словах рыбака. Возрождение ореола предков Пьетура понимает прежде всего в том, чтобы отучить других (а не себя) от курения табака, чтобы люди ощущали отсутствие табака не как отсутствие денег, а как сознательную жертву во имя идеи. Значение, придаваемое слову ága «ореол» Пьетуром, сильнее всего противоречит именно языковому терминологическому значению слова, и стал-

кивание этих значений рядом порождает сильнейший комический эффект.

Лакснесс стремится прежде всего вызвать в сознании читателя языковое значение слова. Поэтому он постоянно выводит контекстные значения слов на плоскость обычных языковых, помещает в ряду обычных слов, контекстное употребление которых не противоречит языковому значению. Излюбленный прием писателя, цель которого — заставить осознать нелепость словоупотребления, его несообразность, заключается в том, что слова даются впервые в контекстном значении, но это контекстное значение зашифровано. Говорящий употребляет слово в контекстном значении, которое слушателям ещё неизвестно, поэтому слово кажется слушателям попавшим в чуждое окружение, соответственно тому значению, в котором они привыкли употреблять данное слово.

Обычно не одно, а несколько слов одновременно употребляется тенденциозно, без раскрытия вкладываемого в них смысла. Такое пародийное заострение, нагнетение особенностей словоупотребления производит ещё более комическое впечатление в силу фантастической неожиданности выводов из рассуждений. Обычное значение слова настолько неприменимо к ситуации, что в целом словосочетание или фраза вызывает смех. Именно такое впечатление производит название общества, основанного Пьетуром.

Þú hefur vonandi heyrt um Þjóðernis- og Menningarbrókafélagið. II, 222

«Ты, наверное, слышал о «Национальном и культурном брючном обществе», — говорит Реймар Оулавюру, который слышит об этом впервые.

Реймар, тут же раскрывает причины возникновения этого общества, созданного в противовес обществу Йорунн и Йенса Фарерца, собиравших средства на тёплые чулки для детей бедняков. Йенса и Йоурунн Пьетур называет «лишенными родины», а их общество «паршивым обществом предателей родины» *landráðagroddafélag*, поэтому его общество не только *Þjóðernis- og Menningarbrókafélag* «Национальное и культурное брючное общество», как называет его Реймар, но (Лакснесс пародийно заостряет качества, названные Реймаром) оно называется *Sannislenskt Hámenningar og Þjóðernisbrókafélag* II, 222 «Истинно исландское Высококультурное Национальное брючное общество».

Становится ясно, что и Реймар, и Пьетур употребляют все слова, входящие в состав названия, в контекстном значении, но сатирический эффект, основанный на восприятии всех слов в буквальном значении, от этого не уменьшается. Именно в плане буквальных значений слов нелепо сочетание «высокой» лексики с прозаическими брюками, что и обеспечивает жизненность пародии, проникающей в самую суть вещей. Дело в том, что в названии общества Пьетура Лакснесс удачно спародировал громкое название консервативного издательства, созданного в противовес обществу *Mál og Menning* «Язык и Культура», в создании которого Лакснесс принимал деятельное участие. Скромному названию

общества *Mál og Menning* было противопоставлено «патриотическое», «народное» название *Menningarsjóðir og Þjóðvina félagið* «Фонд культуры и Общество друзей народа», хотя новое издательство было менее прогрессивным.

Сатирическую основу раскрытия тенденциозного словоупотребления составляет, как мы видим, установка автора на актуализацию языкового значения слова и противопоставление его контекстному употреблению.

Другой способ разоблачения целиком помещен автором в сферу читательского восприятия. Он заключается в общем несоответствии тенденциозного словоупотребления смыслу изображаемого. Осознание этого несоответствия читателем, умело направляемое автором, способствует выявлению авторской иронии. Совершенно правильно замечает Петер Халльберг, известный исследователь творчества Лакснесса, что речи Пьетера об идеалах звучат всего громче в разгар шпионажа. «Патриотический» пафос речей нагнетается до такой степени, что изображение становится гротескным, хотя это осознается читателем постепенно.

Эти два способа лежат в основе всех приемов дискредитации тенденциозного словоупотребления смыслу изображаемого. Осознание этого мастерства Лакснесса.

Vilniaus Valstybinis V. Kapsuko v.
universitetas
Anglų kalbos katedra

Įteikta
1964 m. balandžio mėn.

ZODŽIŲ SEMANTINIS PRATURTINIMAS KAIP IRONIJOS REIŠKIMO PRIEMONĖ H. LAKSNEŠO TETRALOGIJOJE „PASAULIO ŠVIESA“

S. NEDELIAJEVA

Re z i u m ė

Žodžių semantinis praturtinimas, tarnaujantis svarbiausia ironijos reiškimo priemone tetralogijoje, gali vykti trim būdais: 1) žodis įgyja papildomą reikšmę, kurios dėka jis tampa tam tikros potekstės simboliu; 2) žodis įgyja ypatingus reikšmės atspalvius, kurie pasireiškia jo neįprastame vartojime; 3) žodis įgyja kontekstinį daugiareikšmingumą dėl įvairių veikėjų skirtingo to pat žodžio supratimo.
